

СТАНИСЛАВ ВЕНГЛОВСКИЙ

ЗАНИМАТЕЛЬНАЯ МЕДИЦИНА

— СРЕДНИЕ ВЕКА —

Станислав Антонович Венгловский

Занимательная медицина. Средние века

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24539295

С. А. Венгловский. Занимательная медицина. Средние века: Алетейя;

Санкт-Петербург; 2016

ISBN 978-5-906860-70-5

Аннотация

В книге повествуется о медицине эпохи Средневековья. Перед глазами читателей медицинская наука предстанет в несколько непривычном своем облики. Те, которые предпочтут обратиться сразу к определенным главам, – без малейшего промедления окажутся в центре интересных, значительных эпизодов в становлении медицинской науки. Из этих эпизодов, по нашему убеждению, как раз и соткана вся драматическая история медицинского врачевания. Предлагаемая книга может оказаться полезной для многих людей: и для тех из них, которые посвятили медицине всю свою предыдущую жизнь и знают о ней почти все, и для тех, кто изо всех сил старается как можно подальше держаться от любого врачебного кабинета.

Содержание

Глава 1. Авиценна, или его же «Канон врачебной науки»	6
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Станислав Венгловский

Занимательная медицина. Средние века

© С. А. Венгловский, 2016

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2016

* * *

*Общезвестное – доступно далеко не всем.
Аристотель*

Книга вторая, в которой повествуется о медицине эпохи Средневековья. Впрочем, не только об этом периоде.

Эту книгу позволительно читать по-разному.

Перед глазами тех из читателей, которые откроют ее на первой странице, медицинская наука предстанет в несколько непривычном своем облики.

Те же из них, которые предпочтут обратиться сразу к определенным главам, – без малейшего промедления окажутся в центре интересных, значительных эпизодов в становлении медицинской науки. Из этих эпизодов, по нашему убеждению, как раз и соткана вся драматическая история медицинского врачевания.

Эту книгу можно открывать и на первой же, подвернувшейся под руку странице. В таком случае читателю остается на свой страх и риск добираться до ближайшей смысловой «пристани», на ходу знакомясь с весьма интересными персонажами, которыми заселена она повсеместно, которые повествуют, скорее всего, о современном уже состоянии медицинской науки.

Предлагаемая книга может оказаться полезной для многих людей: и для тех из них, которые посвятили медицине всю свою предыдущую жизнь и знают о ней почти все, так и для тех, кто изо всех сил старается, – как можно подальше держаться от любого врачебного кабинета.

Первой группе читателей она напомнит о чем-то, вроде бы полностью позабытом, однако – так и не осмысленном до конца. Второй группе – добавит лишь определенных знаний, зато – посвятит в неизвестные, может быть, даже явные тонкости.

А у читателей, возрастом значительно моложе, эта книга разбудит живой интерес и послужит, как знать, быть может, – даже определенным толчком к выбору определенной профессии.

Глава 1. Авиценна, или его же «Канон врачебной науки»

*Я тайны разгадал мудрейших слов и дел.
Надпись на могильном камне так рано ушедшего от
нас Авиценны*

Седьмой век после Рождества Христова ознаменовался началом необыкновенного взлета всей арабской культуры.

Выйдя из пределов своей колыбели, точнее – из пределов знойного и песчаного Аравийского полуострова, завоевав при этом огромные территории, – арабы создали могучее государство, объединенное совершенно новой религией, – учением ислама, и, естественно, гибким и всеобъемлющим арабским языком.

Страны, входящие в это объединение, представляли собою так называемый Багдадский халифат, в составе которого оказались земли Ирана, Афганистана, преобладавшие части Средней Азии, Закавказья, отдельные районы Индии, страны Северной Африки, а также значительной части весьма обширного Пиренейского полуострова.

К достоинствам всей арабской культуры следует отнести и то, что все верхи этого многоликого общества предельно творчески усвоили наследие древнего мира – греко-эллинистическую культуру, равно – и ни за что не забываемую римскую. А вдобавок, – еще и древнюю египетскую, арамейскую, иранскую, индийскую, китайскую. С участием покоренных ими народов совершили они дальнейшие шаги в развитии мировой цивилизации...

И все же, как ни крути – верти, – особенно великими оказались заслуги арабского этноса перед неувядаемой вечно античностью. Арабы стали своеобразным мостом между нею и современной нам, нынешней цивилизацией.

Овладев древнегреческой философией, главным образом, – учением Платона и Аристотеля, арабы сберегли от

забвения также произведения других античных авторов. В первую очередь, – это относится к именам достопамятного до сих пор в истории всего человечества Евклида, Архимеда, Птолемея и прочих, прочих разнообразных авторов...

Они же, базируясь на трудах Гиппократ и Галена, всячески продолжали развивать медицинскую науку, изучать лечебные свойства различных природных веществ, в частности – минералов и других разнообразных материалов.

Девятый-десятый века новой эры характеризуются некоторыми учеными как эпоха подлинного арабского Возрождения. Главными очагами всей арабской культуры на просторах Центральной Азии, для всего, указанного нами времени, – становятся средневековые Бухара и Хорезм.

* * *

Летосчисление в границах всего Багдадского арабского халифата, как и в прочих исламских странах, начиналось с нуля.

За исходную точку отсчета был принят 622 год.

Эта дата связана с весьма знаменательным событием: именно в названном нами году пророк Мухаммед, основатель ислама, оставив Мекку, оказался в Медине.

Тем самым он совершил так называемую хиджру (переселение).

В Медине, к тому времени, находились уже многие араб-

ские мусульмане.

К 370 году по новому арабскому календарю, то есть – к исходу X века (по принятому у нас его соответствию – это будет 980 год), – власть багдадских халифов во многих, подвластных им землях, выглядела уже значительно ослабленной, а то и просто – почти номинальной. Все это полностью относится к просторам необозримой Центральной Азии.

В прославленной Бухаре, к указанному времени, бразды правления всецело находились в руках у эмира Нуха ибн Мансура, представителя очень энергичной и грозной когда-то династии так называемых Саманидов.

А все же власть его над своими подданными не казалась настолько уж прочной, равно, как и власть над этим всем регионом, слишком уж удаленном от по-прежнему могущественного и всесильного Багдада.

Благополучию процветавшего государства угрожали сильные соседи, а в придачу к ним – также воинственные кочевые племена, в любое время готовые погреть руки у чужого костра, а не то и – просто все уничтожающего, почти что – всемирного пожара.

Однако в том же, указанном нами 980 году, случилось величайшее событие для всей мировой науки, значение которого, естественно, еще не могли тогда еще полностью оценить его современники, обыватели самой Бухары.

Летом этого года, где-то на излете необыкновенно знойного августа, в семье ничем не примечательного сборщика на-

логов по имени Абдаллах, появился первенец – сын, счастливые родители которого тут же назвали Хусайном. При этом, все же надо заметить, что полное имя его, под каковым он вошел в историю мира, звучало Абу Али ибн Абдаллах ибн Хасан ибн Сина.

На латинский же лад – замечательного этого человека станут именовать исключительно просто – Авиценной.

* * *

Сборщик податей считал себя коренным таджиком.

Сам он был уроженцем города Балх, расположенного на крайнем севере Афганистана. Однако в подлинном звучании его настоящего имени наличествует чрезвычайно существенный элемент, который позволяет судить нам несколько иначе о самом этом человеке. Дело в том, что на кондовом таджикском языке слово «сина» означает – «проделывающий отверстия в морских жемчужинах».

Следовательно – предки Абдаллаха, скорее всего, обитали где-то поблизости от необозримых морских берегов, что, каким-то таинственным, непостижимым для нас образом, роднило его с явно приморской нацией, – быть может, даже с прибрежными эллинами, которые довольно приметной полоской окружали все Средиземное море...

В Бухару же молодого человека, скорее всего, приманила надежда на приличные заработки. И в этом, кажется, он ни-

сколько не просчитался.

Верная служба великому бухарскому эмиру, действительно, обеспечивала ему довольно приличные доходы. Во всяком случае, они – то и позволили рядовому сборщику податей Абдаллаху очень удачно жениться на юной красавице Ситоре (что, по местным верованиям, означает не более и не менее как «Утренняя звезда»). Сама она обитала до брака в самом центре селения Афшана.

Сама Афшана же была расположена недалеко от шумной, как и все среднеазиатские города и селения, – довольно плотно заселенной Бухары.

Впрочем, он и сам для себя счел сверх нужным прилепиться к указанной Афшане, лелея собственные надежды на нечто, еще куда более значительное.

И правда.

Средств, накопленных им в продолжение всего пяти лет, оказалось вполне достаточно, чтобы обзавестись собственным домом, обосноваться, наконец, в Бухаре, в непосредственной близости к центральной власти всесильного эмира, которой он, безусловно, служил исключительно верно и преданно.

К такому решению Абдаллаха побуждало рождение двух его сыновей: уже известного нам Хусайна и его младшего братишки, – по прозвищу Мухаммед.

Мальчишкам, прежде всего, следовало обеспечить подходящее для них образование. А возможности для чего-то по-

добного открывались только в самой, благословенной Аллахом столице, непосредственно – в Бухаре.

С этой точки зрения Абдаллах имел уже все основания уповать на своего старшего отпрыска. В пятилетнем возрасте удивительно умный Хусайн проявлял воистину необыкновенные способности. А это сулило его отцу надежды на вполне обеспеченную от всяких невзгод счастливую старость.

Говорили (возможно ли в самом деле такое!), будто мальчишка запомнил себя с момента собственного своего рождения.

Во всяком случае, совсем еще юный Хусайн неоднократно утверждал, что, появившись на свет, он увидел сначала лишь какое-то чрезвычайно яркое сияние, однако затем – оказался почему – то в крошечной темноте, как если бы его самого вдруг накрыли чем-то исключительно темным. Совсем непрозрачным. Причем – накрыли весьма основательно...

Подобному заявлению отец Абдаллах не придавал поначалу никакого значения. Но когда сопоставил рассказы сынишки с воспоминаниями собственной супруги, уже почитаемой всеми Ситоры-бану, матери Хусайна, – то вынужден был здорово подивиться.

Юная Ситора к моменту рождения первенца – сына оказалась в доме в полном одиночестве. Явившегося на свет сынишку она, в каком-то диком испуге, сунула в совершенно случайно подвернувшееся под руку ей корыто и накрыла сверху плотной, непрозрачной тканью, чтобы не слышать

его пронзительных криков, будто уже сразу призывающих на помощь...

Таким-то вот образом младенец Хусайн, действительно, очутился в полнейшей темноте.

Абдаллаху, после серьезного размышления (невероятно!), оставалось лишь запоздало порадоваться и удивиться, что его первенец не задохнулся по столь явному недомыслию своей юной родительницы...

* * *

Переезд в Бухару обернулся для обоих мальчишек незабываемым, ярким событием.

Город восхитил их своим бесконечным многолюдством и своим никогда не стихающим гомоном. Он поразил их также своими бесчисленными строениями, среди которых выделялись замечательные мечети с переливами на них необыкновенно чистой, сверкающей под ослепительным солнцем – удивительной, гладенькой, как бы омытой совершенно нечистыми в Бухаре дождями – какой-то чрезвычайно яркой глазури.

Умилял их также белостенный, в сплошных ажурных решетках, дворец благословенного Аллахом эмира, окруженный тенистыми садами с говорливыми струями ни на минуту не знающих отдохновения фонтанов, подсвеченных к тому же огнями непонятного им сияния...

По пыльным и узеньким городским улочкам, наполненным вечным говором разноязыкой и пестрой толпы, перемешанных с криками ишаков, с пением наполняющих его зычноголосых муэдзинов, с громоподобным топотом вечно горбатых верблюдов и с заклинаниями вездесущих, опаленных солнцем, дервишей, – можно было бродить с утра и вплоть до глубокой ночи. При этом – вовсе не опасаясь пресыщения представавшими перед глазами путника необычными видами города и не чувствуя в ногах ни малейшей усталости.

Да и короткими темными ночами, при свете тоненькой острогой луны, такой, что пальцы мгновенно обрежешь, как только коснешься ее своими ладонями, ее, повисшей в какой-то призрачной синеве, – никто никогда не преграждал никому дорогу. Пока гуляющий путник сам не натыкался всей грудью на камни неодолимой, повстречавшейся ему на пути – какой-то неожиданной тонкой преграды – стены...

Впрочем, и там, за ограняющей город скользкой этой преградой, простирались жилые кварталы. Это был так называемый по-арабски *рабад*, а по-нашему, по иному, – древний пригород. Мазанковые строения бухарских бедняков, превращаясь постепенно в истинные трущобы, уходили куда-то в неведомую даль, перечеркнутую, правда, едва лишь заметными на очень приличном уже расстоянии цепочками верблюжьих караванов. Там они сновали везде, как днем, так и медленно наступающими, иссиня-темными – ночами...

Сам же юный Хусайн и в этом, новом для него совершенно месте, – все больше и больше поражал окружающих своими удивительными способностями.

Особенно доставалось от него рассеянным, а то и мрачным, наставникам, которых его отцу Абдаллаху удавалось сговорить – нанять без малейшего на то промедления.

Они преподавали мальчишкам все то, что содержится в священной для каждого мусульманина книге, в таинственном и мудром Коране.

А еще под их руководством братья изучали так называемый Адаб.

Автором Корана почитался сам величественный пророк Мухаммед. Без знания указанной книги, неустанно внушал мальчишкам отец Абдаллах, никогда не станешь уважаемым в городе человеком. Ни в самой Бухаре, ни за ее бесконечно – бескрайними пределами.

Адаб же включал в себя все правила мусульманского этикета, но содержал при этом также удивительную грамматику неповторимого арабского языка, а еще – его же стилистику и несказанную, чудную поэтику...

Как поведал впоследствии сам Авиценна, к десяти годам он вызубрил наизусть уже почти весь Коран, от корки до корки. Это показалось невероятным не только его восхищенным

родителям, но и всем прочим людям. Лишь только что-нибудь об этом прослышавшим.

Подобными успехами во всей Бухаре, да и не только в ее пределах, могли похвастаться разве что какие-нибудь взрослые, во многих местах успевшие побывать уже счастливики, помеченные особой милостью всепрощающего милосердного Аллаха. А вовсе не какой-то там сопливый мальчишка, только что выскользнувший из теплых еще материнских пеленок...

Что же касается не в меру мудреного и не менее сложно-го адаба, – то к десятилетнему возрасту Хусайн овладел уже значительной частью скрытых в нем мудрых, весьма замысловатых секретов. Причем – не только касающихся арабского этикета.

Все это выглядело крайне неправдоподобно.

При этом не следует забывать, что в семье Абдаллаха все разговоры обычно велись на языке дари, предке современной таджикской речи. Язык дари отличался каким-то своим особым, непростым, удивительным даже произношением. Однако, при общении на этом диковинном языке, никто из домочадцев не испытывал никаких, даже, казалось бы, малейших затруднений. В том числе, разумеется, и оба подрастающих малыша.

А еще – их учили арифметике, науке к тому времени исключительно редкой, почти экзотической, если учитывать, к тому же, все особенности азиатских селений. Ею овладевали

люди, которые ощущали в ней, как правило, настоятельную необходимость.

Ради изучения арифметики отец посылал сыновей на уроки к торговцу какими – то дикими, заморскими травами, познавшему также замысловатый индийский счет. И тот, в свою очередь, не мог не восхищаться какой-то воистину молниеносной сообразительности своего малолетнего ученика Хусайна.

Конечно, после подобных и слишком уж явных успехов своего старшего сына, Абдаллах позаботился о новом, еще более авторитетном наставнике для своих сыновей. Он без раздумий поселил у себя в доме некоего бродячего философа – старого мудреца по имени ан-Натили...

Этот человек, обладатель длиннющей седой бороды на усохшем до черноты подбородке, при тяжеленном посохе в своих слишком морщинистых руках, – с такой же равноценной уверенностью принялся втолковывать мальчишкам замысловатую логику, излагать им учение мудрого эллина по имени Евклид.

Чертя по воздуху своим велеречивым посохом, высоко вздымая при этом к небу глаза, он говорил об астрономической доктрине не менее мудрого Клавдия Птолемея, заключенной в его книге *Magna syntaxis* (Большое собрание), состоящей из целых тринадцати книг. Эта книга, на арабском языке, носила особое название – «Альмагест».

Короче говоря, старик ан-Натили, словно продавец на ста-

ринном бухарском рынке, выскребывал из своей головы все то, что там уже загодя было припасено в достаточном количестве, что он сам сумел когда-то усвоить, что только успело сохраниться в его в черепной коробке на протяжении весьма продолжительной и весьма нелегкой жизни его.

Об успехах младшего сына досточтимого Абдаллаха как-то слишком немного говорилось по городу Бухаре. Что же касается самого Хусайна, – то все его обучение сразу пошло каким-то невиданным дотоле способом.

Опытный учитель мгновенно сообразил, кто ему послан на этот раз столь любезным и одновременно строгим Аллахом, кто перед ним находится в настоящее время. А вскоре он с ужасом начал примечать, что ему частенько приходится как бы меняться ролью со своим исключительно способным на всякие ловкости подопечным.

Вместо того, чтобы о чем-то рассказывать наставляемому им ученику, ан-Натили принялся задавать Хусайну, порция за порцией, куски мудрейшего арабского текста. Затем, вроде бы, тщательно проверяя заученное и заглядывая поминутно ради этого в широко раскрытую перед его глазами книгу, узнавал он столько не известного прежде ему самому из уст словоохотливого своего ученика, что сам просто диву давался. Как же он не додумался до этого сам, в часы своего невольного старческого досуга! Мальчишка мгновенно схватывал суть всего помещенного в книге и тут же находил ему аналогии в окружающей его повседневной жизни...

Через какое-то время ан-Натили вообще оказался в весьма двусмысленном положении, невыносимом для его чересчур совестливой натуры. После мучительных раздумий старик решил навсегда оставить слишком гостеприимный дом Абдаллаха, чтобы поискать для себя какого-нибудь иного пристанища.

Он ушел, опираясь на свой изогнутый посох и не поднимая при этом своей головы. Спина его содрогалась от каждого крохотного камешка, на который натыкались его повидавшие всего на свете, изношенные до дыр, сандалии...

После ухода такого, крайне покладистого учителя, погрузив, поговорив о нем немного вместе со своим младшим братом, – отрок Али Хусайн продолжил самостоятельное обучение, лишь изредка прибегая к помощи комментариев, составленных другими арабскими мудрецами.

Особенно трудно приходилось ему при освоении трудов античного мудреца, досточтимого грека Аристотеля. «Метафизику» этого знаменитого эллина, давно уже, правда, переведенную на арабский язык, он перечитал не менее четырех десятков раз. Вызубрил все наизусть, но отчаялся до конца понять ее недоступный, такой ускользающий от юношеского внимания, глубоко затаенный, мудреный смысл.

Неизвестно, к чему бы все это могло привести, если бы не подвернулся ему под руку исключительно счастливый случай, если бы Хусайн не наткнулся на рынке на довольно редкую книгу под названием «О загадках метафизики», сочи-

ненную арабом Аль-Фаради, уже почившем на ту отведенную высоким Аллахом пору.

Книга оказалась в его личной собственности только под нажимом хорошо знакомого ему рыночного торговца. Явившись в свой дом, он как-то нехотя развернул прогретую на щедром бухарском солнце дорогую бумагу. Скользнул глазами по унизанной арабской вязью странице, пробежал ее одним махом, еще, еще один раз, – и остановился. Он упирался при этом каким-то странным, незрячим взглядом в зияющую вокруг него пустоту.

Книга мгновенно открыла ему все тайны мудрого древнего грека! Все, чем была пропитана «Метафизика» Аристотеля, стало вдруг настолько понятным и ясным, словно бы прочитал он все это в самый яркий солнечный день.

Он тут же поспешил в мечеть, чтобы отблагодарить в ней Аллаха за такую неожиданную доброту его и наделить достойным подаванием всех тамошних дервишей, просто вопящих от столь неожиданной щедрости юноши, да что там, – еще настоящего отрока...

Занимаясь без устали, лишь в труднейших ситуациях обращаясь к помощи небес, Хусайн самостоятельно изучил всю диалектику, физику, математику, а вдобавок – еще и – заковыристую медицину. Его ненасытный и неутомимый ум с возрастающим упоением удерживал в себе все увиденное и все, когда – либо лишь только услышанное...

А тяга к знаниям оставалась при этом все такой же неодо-

лимой.

Имеются достоверные сведения, что уже в этом юном возрасте, овладев всем доступным тогдашней арабской медицинской науке, в содружестве с бухарскими врачами, среди которых наиболее близким по духу оказался ему седобородый Абдул-Мансур аль-Камари, – юный Авиценна делал неоднократные вскрытия трупов только что умерших людей.

Во что бы то ни стало, любой ценою, он стремился определить причины их страшных, смертельных болезней, лишь бы проверить результативность своих книжных знаний и вычитанных на книжных изгибах все хитроумные методы их излечения.

Разумеется, все это, все эти вскрытия, – совершались в глубочайшей тайне, под покровом иссиня – темной глубокой ночи, в зловещей кладбищенской тишине. Потому что запрет на подобные вскрытия человеческих трупов на всех землях ислама действовал безотказно, и нарушать его – мало кому приходило на ум.

А что касается медицинских сведений, то они по-прежнему оседали в его бесконечно переимчивой голове, стоило только им промелькнуть у него перед глазами или коснуться хотя бы мочки его слишком чуткого уха.

Кажется, лишь взглянув на первого встреченного им человека, он мог сразу же распознать все недуги его, предсказать, как долго еще бродить – ходить ему по улицам города, как долго еще тому человеку глядеть на бесконечно яркое

бухарское солнце.

Порою ему становилось жутко от собственных широчайших знаний, и он старался опускать глаза при виде сильно страдающих людей, которым уже ничем и никак нельзя было помочь.

Удивительные способности молодого человека были сразу отмечены всеми его бухарскими пациентами. Ведь одно дело – зачерстневшая книжная мудрость, в тонкостях которой способны разобраться только седобородые ветхие старцы, и совсем иное – сиюминутное врачевание, польза которого тут же становится очевидной даже для самого распоследнего в городе торговца овощами или же для отупевшего от жары погонщика мулов.

Умирал вот, к примеру, какой-нибудь человек, извиваясь от жестокой, неумолимой боли, отдавал уже распоряжения насчет своих собственных похорон... Но вдруг появился вот этот, тонкий станом и легкий на ногу юноша в красивой и пестрой чалме, напоил его каким-то неведомым снадобьем, повелел натираться чудодейственными мазями, которые он сам и сумел приготовить, – и все!

Как рукой сняло...

Несостоявшийся покойник теперь снова носится в поте лица по пыльным бухарским улицам, разнося свою свежую огородную зелень, которую всю жизнь продавал, в ответ на призыв каждого, лишь пожелавшего того, горожанина.

Так-то вот...

Подобного врачевателя запомнишь уже на всю свою жизнь, какая только отмерена для тебя всемогущим, высочайшим Аллахом.

Но главное было еще далеко впереди. Серьезным экзаменом для молодого целителя стала новая, невероятная случайность.

* * *

Слухи о небывалых познаниях совсем еще юного Хусайна, о том, что к нему, молодому и чересчур малоопытному, обращаются за советами мудрейшие бухарские лекари, что даже наиболее почитаемый среди них Абдул-Мансур аль-Камари считает его значительно мудрее себя при излечении разного рода опасных болезней, — добрались, наконец, и до пышного эмирового дворца.

Здоровье же самого бухарского эмира было исчерпано уже до последнего доньшка.

Придворные врачеватели, уж на что весьма изощренные в придумывании разных уловок насчет поправки драгоценного здоровья всемогущего Аллахом эмира, — даже они опускали в страшном отчаянье свои слишком опытные руки.

Однако стоило кому-то, из самых, наиболее приближенных к трону, шепнуть в эмирово чуткое ухо имя Али Хусайна, который, на самом деле, творит настоящие чудеса, — как повелитель тут же возжелал увидеть юношу у своего высо-

чайшего изголовья.

Так, к примеру, ходят очень упорные слухи, что утопающий хватается за самую зряшную, откровенно говоря, – самую ничтожную, пустую даже соломинку.

– Немедленно привести его ко мне!

Как уж там получилось, какими такими лечебными снадобьями удалось молодому врачу оживить недужного повелителя, – о том говорилось впоследствии совершенно по-разному.

Да только эмир, действительно, встал на ноги!

А встав, для уверенности, постучал он сандалиями по теплomu мраморному полу и тут же спросил своим явно окрепшим голосом:

– Так чем, говоришь, нам следует наградить тебя?

У Али Хусайна даже сперло дыхание от такого прямого, а главное – неожиданного вопроса.

Сколько раз уже, оказавшись рядом с пышным дворцом, он не мог отделаться от волнующих его странным образом мыслей о замечательно богатой библиотеке эмира, заключенной в непроницаемо мощных каменных стенах. Она содержала в себе непостижимые духовные сокровища, хранящие тайны неведомых доселе ему болезней.

Подумать только: возможно, там покоятся многие сочинения великого мудреца Гиппократa, которого вполне законно величают непревзойденным отцом медицины. Там собраны все труды не менее прославленного, чем даже он, такого же

римского мудреца Галена...

И все это, возможно, вывезено было когда-то из древних египетских хранилищ, быть может, из самой Александрийской библиотеки, которой давно уже не существует на белом свете?..

Вот если бы...

Юноша так и сказал:

– Библиотека... Если бы...

И для пущей ясности взмахнул куда-то, в том направлении, сразу своими обеими руками.

Эмиру, уже и так совершенно готовому на самые разорительные затраты в пользу собственного драгоценного здоровья, оставалось только в ответ хмыкнуть и лишь пожать удивленно плечами:

– Допустить!

Результаты продолжительных сидений в Бухарской библиотеке эмира Авиценна вспоминал затем с благодарностью, уже многие годы спустя.

«В восемнадцатилетнем возрасте, – напишет он впоследствии в собственной своей биографии, – я закончил изучение всех наук, которые в то время были свежее у меня в памяти, нежели теперь, когда они еще более созрели в моем уме, но все же остались по-прежнему исключительно давними. Так что я с тех пор ничего не смог прибавить к тому, что уже знал и так».

Как видим, оказавшись на вершине своих мудрых лет,

Авиценна полагал, что к восемнадцати годам он достиг уже всех желаемых им научных высот. Если и не во всех науках, то, по крайней мере, — в области медицины...

* * *

Да, он, действительно, купался в море полученных знаний и мог после этого свободно творить.

Пожалуй, теоретические познания его к описываемому нами периоду времени охватывали все, чем только располагала арабская медицина. Да и практические навыки и умения, которыми он владел, приближались к самому высочайшему уровню, к явному своему апогею.

Юного врача постоянно приглашали к больным, несмотря на то, что здоровье лечимого им эмира через год опять пришло в полнейшую непригодность. Этот гордый правитель все-таки вынужден был отправиться на самый решительный суд верховного бога Аллаха.

После кончины Нуха ибн Мансура власть в Бухаре перешла к его наследникам. По всей вероятности, они оказались куда более слабыми правителями, нежели их предшественник. Государство не смогло никак устоять под натисками внешних врагов, правда, в основном, — таких же мусульманских властителей...

Все указанное, в своей совокупности, привело к участвовавшим набегам на все еще процветающий столичный город

Бухару, к опустошительным пожарам, грабежам и бесчинствам. А бесконечные бедствия в Бухаре завершились настоящей катастрофой для всего ученого мира: в пламени пожаров исчезла и ее знаменитая дворцовая библиотека.

А ведь там, быть может, сосредоточено было многое из тех книг, которые когда-то вывез из знаменитой Александрийской библиотеки достославный в истории эмир Омар...

В результате этого возникла даже по – настоящему злая легенда, будто разыгравшийся в бухарском книгохранилище пожар учинил не кто – либо иной, но сам Авиценна. Этот юнец, утверждали его крайние недоброжелатели, успев изучить сосредоточенные в книгах кладези знаний, не пожелал, однако, чтобы ими могли воспользоваться еще и другие, совершенно посторонние люди. Поэтому, дескать, он и прибегнул к помощи беспощадного огня, пожирающего все и вся почти без разбора.

Впрочем, в подобную выдумку не так – то и трудно было поверить, наблюдая за самим Авиценной. А он, по памяти, запросто, без малейшего напряжения ума, воспроизводил исключительно все, что только было им вычитано в погибших во все пожирающем пламени книгах...

Что же, невольным подтверждением этой глупой легенды в глазах у доверчивых людей могли послужить и другие, приводимые самим Авиценной факты. Когда один из его соседей (Авиценна даже называет его в своей автобиографии по имени – Абул Гассан эль Аруди) попросил «составить для

него книгу, вмещающую все науки», то молодой мудрец не без удовольствия исполнил эту невероятно трудно прозвучавшую просьбу. Не имея под рукою никаких первоисточников, он сочинял заказанный ему труд с такой невиданной легкостью, как если бы все потребное находилось у него перед страстно вбирающими каждую мелочь глазами.

Более того, по его же, Авиценны, свидетельству, он не дрогнул и при других, не менее сложных обстоятельствах, когда другой знакомец попросил «составить для него всеобъемлющий комментарий на эту книгу» (о которой только что говорилось). В ответ на свои просьбы новый заказчик получил «в подарок» целых двадцать томов!¹

Все рассказанное нами, конечно, похоже, скорее, на чудо, однако же совсем недалеко отстоит оно от настоящей истины...

И все же – времена менялись. Порою – даже непостижимо быстро и весьма, притом, – кардинально.

Свободное парение гениального ума, не отягощенного никакими житейскими заботами, оборвалось вместе с очередной переменой власти. Точнее сказать – с переменой также в семейных его обстоятельствах: в тысяча втором году скончался его отец Абдаллах Али, и Хусайну предстояло теперь самому позаботиться не только о своих духовных, но также

¹ Здесь необходимо также заметить, что Средневековье прочно сохраняло еще античную традицию, то есть – объем томов оставался по-прежнему совершенно невеликим, о чем уже говорилось в первой книге.

о своих явно материальных делах и нуждах.

Более того, на нем лежали теперь заботы обо всей семье.

Он вынужден был оставить Бухару, как оказалось – теперь уже навсегда.

* * *

Путь Авиценны пролегал на север, в далекий и неведомый ему пока город Хорезм.

Там, в столице этого, соседнего государства, которую местные жители называли охотней всего Гурганжем, арабы – Джурджанией, – наш герой провел более восьми лет (с 1002 года по 1010).

Еще совсем недавно (в 925 году), этот город получил статус столичного, по велению эмира Мамуна ибн Мухаммеда, и к указанному времени в его пределах господствовали более свободные нравы и права, нежели в родной для Хусайна Бухаре, особенно – в последние годы его пребывания в ней.

Это был период одного из довольно пышных расцветов совсем еще молодого гения.

В Гурганже Авиценна задумал и осуществил массу самых разнообразных трудов. В этом городе состоялось его личное знакомство и последовало даже тесное общение с Аль-Бируни, – знаменитым ученым – энциклопедистом, с которым Али Хусайн состоял в переписке, находясь еще в родной для него Бухаре.

Аль-Бируни разрабатывал проблемы математики, астрономии, физики, минералогии и прочих, главнейших средневековых наук. Здесь, в столице, в главном городе его Хорезме, проходило постоянное сотрудничество Авиценны также с другими учеными людьми, интересы которых касались самых разносторонних знаний и направлений в науке.

Здесь же, в Гурганже, и это, пожалуй, интересуем нас больше всего, созрел его колоссальный медицинский гений, о чем позволительно будет судить хотя бы по тому восхищению, которое чувствуется в многочисленных преданиях, теснейшим образом связанных с фигурой Авиценны – врача.

С этой точки зрения довольно занимательным выглядит рассказ, который явно перекликается с преданиями о древнегреческих врачевателях, в том числе и с преданиями о знаменитом враче Гиппократе, – правда, будучи уже ярко расцвеченным на чисто восточный лад.

Рассказывали, будто молодой Авиценна, едва только объявившийся в новом для него городе, очень скоро был призван к умиравшему наследнику престола. Больной покоился уже без движения, не отвечая ни на один вопрос со стороны окружающих его людей, не реагируя уже ни на что. Даже пульс на его руках пробивался почти незаметным, еле ощутимым шевелением.

Причем – даже для самого искусного врача.

Исповедуя приверженность доктрине Гиппократа и Галена, Авиценна выше всего ценил во врачах какую – то –

прямо изощренную наблюдательность. Именно эта наблюдательность и позволила ему заметить в поведении кандидата в покойники нечто такое, что вселило надежды на скорое излечение этого высокопоставленного пациента.

Не отрывая пальцев от чужой холодеющей кожи, Авиценна начал громко расспрашивать убитых горем придворных.

– Человек я здесь новый, – сказал он как-то слишком задумчиво. – Назовите-ка мне все кварталы, которые только наличествуют в вашем городе... Потому, что я не уловил даже их названий...

Тогда младший брат умирающего наследника престола, ничуть не задумываясь над этим вопросом, начал сыпать разнообразными именами.

Однако внимание Авиценны почему – то вдруг сосредоточилось на одном из упомянутых им кварталов.

– А как называются тамошние улицы? – спросил он, все так же, не отрывая пальцев от чужого пульса.

Юноша стал перечислять все тамошние улицы, но Авиценна вдруг оборвал его на полуслове.

– И кто проживает на этой улице?

И снова он не дождался конца перечислениям.

– А есть ли в этом доме, который только что упомянут тобой, какие-нибудь чрезвычайно красивые девушки?

Как только в ответ посыпались имена, еще и еще, да все такие удивительно звучные, – вроде Гюльчатай, Азиза, Альфия, Айша, – лицо врача озарилось сразу бодрой улыбкой.

– Довольно, – сказал он, резко отрывая пальцы от пульса умирающего. – Причина его болезни – одна из этих девушек, имя которой еще продолжает дрожать на кончике твоего языка!

Жизнь наследника хорезмского престола, таким образом, была окончательно спасена.

* * *

Правда, обстановка в Гурганже, в конце концов, сложилась таким неожиданным способом, что Авиценне пришлось оставлять и этот замечательный город.

По правде – даже тайно бежать из него, чтобы не оказаться в «позолоченной клетке» у всемогущего, но доходившего до тиранства хорезмского правителя Махмуда Газневи, насильно собиравшего при своем дворе самых выдающихся в Средней Азии людей, о которых ему удалось что-либо прослышать. Главным образом – что-то исключительно дельное...

Заполучить же такого человека, как Авиценна, не только философа, ученого, но и выдающегося врача-целителя, – стало заветным желанием ненасытного узурпатора, происходившего, как говорили знающие его люди, из вчерашних рабов.

По преданию, с указанным периодом в жизни прежнего бухарского мудреца было связано одно, крайне удивительное событие, совершенно невероятное для мусульманского ми-

ра: Махмуд Газневи разослал во все концы подвластных ему земель сорок изображений Авиценны с целью заполучить его все-таки к себе (и это – при известном отрицательном отношении ислама к любому человеческому подобию). Он приказал снабдить подобными изображениями самых опытных агентов, пообещав им за это очень большую награду.

И все же Авиценне удалось как-то счастливо скрыться.

Попутно при этом заметим, что сам Гурганж был впоследствии дважды разрушен: в 1221 году в результате монгольского нашествия, а в 1388 – его захватил хромоногий Тимур, «железный хромец», не ведавший ни снисхождения, ни даже самой малейшей жалости ко всем своим вольным или невольным противникам.

Правда, Гурганж был частично восстановлен, однако в XVII веке его перевели на новое место, значительно отдаленное от первоначального географического местоположения этого примечательного среднеазиатского города.

С тех пор он и получил свое новое, современное нам название – Ургенч.

От прежних строений, каким-либо образом связанных с Авиценной, осталось одно лишь полузабытое городище (на юге современного поселения под названием Куля-Ургенч).

Со своими спутниками, тайно, на верблюдах, уподобившись вездесущим торговцам, снующим в тогдашней Азии почти повсеместно, Авиценна и его друзья и единомышленники направились все дальше и дальше, забирая все круче и

круче в сторону и без того исключительно знойного юга.

Им предстояло пересечь безводную пустыню Каракумы.

Путь оказался слишком длинным и трудным, так что далеко не всем путешественникам суждено было преодолеть его. Путников, на их труднейшей дороге, поджидали внезапные бури, засыпанные песком колодцы, невыносимая жара, укусы ядовитых змей и вездесущих в пустыне самых разнообразных насекомых.

А еще, вдобавок, – многочисленные разбойные люди.

Они налетали внезапно, с гиканьем и визгом, со сверкающим блеском своих разительных сабель и свистом беспощадных арканов. Спасение от них заключалось только в одном – в молниеносном бегстве, больше – ни в чем.

Авиценна, понятно, остался жив после этого ужасного перехода, однако бывшая удача перестала ему отныне сопутствовать.

В поисках подходящего покровителя, который защитил бы его от газневийского властителя, Авиценне пришлось направить свои стопы еще дальше на запад, еще круче забирая в сторону вечно шумящего Каспийского моря, которое еще хранило в себе название старинного русского – Хвалынское...

* * *

Невдалеке от южного его побережья, в городе Джурджане,

он познакомился с Абу Убейдом Джузджани, ставшим его учеником и доверенным секретарем. Именно этому человеку продиктовал Авиценна свою, уже процитированную нами, пусть и частично еще, яркую автобиографию, доведенную им самим вплоть до 1012 года.

Все дальнейшее, что происходило с Авиценной после отмеченной нами встречи, описано уже Абу Убейдой Джузджани, продолжившим жизнеописание вплоть до смерти своего великого патрона.

К этому периоду, по утверждению Джузджани, относится еще одно, чрезвычайно важное событие, имевшее большое значение в жизни мудреца Авиценны. На его пути оказался замечательный человек, страстный «любитель науки», по имени – Абу Мухаммед Эшширази.

Движимый своими, исключительно похвальными побуждениями, указанный Эшширази приобрел для ученого отдельно стоявший, к тому же – сильно уединенный дом.

В нем Авиценна получил возможность спокойно и дельно поработать над своими собственными произведениями...

И вот в этом – то, таком неожиданном для него пристанище, по свидетельству Джузджани, Авиценна начал писать одно из основных произведений всей своей жизни. Это и был так называемый «Канон врачебной науки».

Как и прежде, в свои совсем еще юные годы, у него не возникало ни малейшей потребности заглядывать в те книги, которые он когда – либо успел уже прочитать. Написанные

давно почившими людьми, они по-прежнему стояли у него перед глазами, и он мог даже мысленно «перелистывать» их в любом направлении.

Без малейшего напряжения памяти выискивал он потребные в них места, в которых содержались подтверждения его собственных мыслей.

В этом же доме, помимо «Канона», были написаны им и другие его многостраничные произведения: сочинения по логике, по астрономии, в частности – сокращенное изложение довольно объемистого птолемеевского «Альмагеста».

Здесь необходимо также отметить, что к указанному времени арабские ученые не только усвоили достижения обширной античной медицины, но и внесли в нее немало нового, самобытного, безусловно – своего, собственного.

В пределах арабского халифата существовала специальная Гундешапурская академия, – уже на территории нынешней Персии. Она представляла собою некое подобие хорошо известной нам Александрийской школы.

На всех землях Багдадского халифата функционировало также большое количество лечебниц. Самой главной среди них следовало считать Багдадский госпиталь, где трудился выдающийся хирург Ар-Рази² (живший, кстати, где-то в промежутке между 856 и 923 годами).

Этому человеку, кстати, традиционно приписывается

² Им была написана так называемая «Царская книга», в которой разбираются многие животрепещущие вопросы средневековой медицины.

приоритет во введении в медицинскую практику многих новшеств. В частности, именно он, полагают, впервые начал употреблять в своей врачебной деятельности обычную хлопковую вату.

Он же, Ар-Рази, написал и весьма ценное руководство по неотложной медицине, уповая при этом также на свою строгую хирургическую практику, выстраданную и обновленную им лично.

Авторами подобных руководств выступали также другие арабские медики. Среди них мы по праву можем упомянуть таких, как Али ибн Аббас. Сюда же можно отнести и Исхока аль-Краила³. Отличались также другие арабские авторы – врачи.

«Канон врачебной науки», впрочем, как и другие сочинения Авиценны, создавался в труднейшей обстановке. Продолжительные периоды в жизни их автора были связаны с такими приключениями и опасностями, каких с избытком хватило бы для создания какого-нибудь многостраничного романа, или иного какого-нибудь остросюжетного произведения.

Переезды с места на место, уход от погони, поиски службы и защиты, отсутствие сведений о младшем брате Мухаммеде и о собственной матери Ситоре-бану... Всего этого было в избытке на жизненном пути нашего прославленного героя.

После бегства из Хорезма Авиценна побывал в различных

³ Этот ученый муж написал свою знаменитую книгу «О лихорадке».

городах, при дворах всевозможных властителей, а то и просто в пределах подвластных им многоликих среднеазиатских земель.

Авиценна всегда оставался при этом никем не узнанным. Он по-прежнему ловко скрывался от кишащих повсеместно ищеек, в потных руках у которых мелькали его исключительно талантливые портретные изображения.

Когда же его узнавали обыкновенные обыватели, – чаще всего они требовали и просили только одного: оказания им срочной медицинской помощи...

Но особенно продолжительной получилась служба Авиценны при дворе хамаданского эмира Шемс-эд-Даула, который лично и в продолжение долгих лет страдал заболеванием желудочно-кишечного тракта.

Хамадан, заметим попутно, – представлял собой древнейший город на южном побережье Каспийского моря, богатый климат которого высоко ценили еще древние персидские цари настоящих, подлинных, античных времен.

В те баснословно далекие от нас времена, этот город носил название Экбатаны (современный нам Хамадан). По словам Геродота, город был основан еще в более далеком от нашего времени – VIII веке до новой эры – неким неутомимым путешественником, древним греком по имени Дейокес... А в дальнейшем, впоследствии, данный город служил персидским владыкам в качестве летней их резиденции.

Авиценне удалось все же вылечить совершенно отощав-

шего эмира.

Более того, ему пришлось сопровождать своего господина в бесконечных военных походах, как бы совмещая при этом обязанности полевого хирурга и личного врача. Во всяком случае, – постоянно присутствующего при эмире придворного лейб-медика.

Наслушавшись о гениальных способностях своего нечаянно прибившегося к нему постояльца, очарованный его врачебным мастерством и огромной научной эрудицией, эмир назначил Авиценну своим визирем, то есть – своим постоянным первым министром.

Теперь ему предстояло, по своему личному разумению, управлять всем хамаданским государством.

* * *

Конечно, подобного взлета какого-то безродного чужака никак не могло стерпеть окружение подвернувшегося ему под руку всесильного эмира, особенно – его ближайшие наперсники.

Изоощренным интригам не видно было конца.

Бесконечные старания обделенных высочайшим вниманием чиновников и прочих придворных дельцов увенчались, на конец, вполне завидным успехом. Подстрекаемые заговорщиками, воины Шемс-эд-Даула взбунтовались однажды. Окружив резиденцию новоиспеченного премьер – министра,

который обвинялся ими во всех смертных грехах, а в первую очередь в задержке жалования, — воины потребовали его незамедлительной смертной казни.

Бунтовщики гремели щитами и стучали отчаянно копьями. Они жаждали крови. Они готовы были на все.

— Казни!

— Казнить немедленно!

— Смерть!

— Смерть!

— Смерть!

Чтобы избежать все время разраставшихся при своем дворце массовых волнений, эмир вынужден был объявить окончательное решение: он осуждает своего визиря на длительное изгнание!

Однако мир — не без добрых людей. Целых сорок дней скрывался Авиценна в доме одного сильно сочувствующего ему человека. Перед ним лежали листы чистой бумаги, доставляемой ему верным секретарем Джузджани. Этого было вполне для него достаточно, чтобы приступить к изложению наполнявших его голову самых дерзновенных мыслей...

А положение в хамаданском государстве вскоре изменилось к лучшему. Взбунтовавшихся вояк удалось каким-то образом успокоить, однако состояние здоровья Шемс-эд-Даула снова резко ухудшилось, и он велел разыскать Авиценну, чтобы вернуть его назад, в свой дворец.

Нисколько не помня зла, великий врач опять поставил

эмира на ноги и, уступая его напору, опять возложил на себя тяжелейшие обязанности главного визиря.

Поскольку государственные дела отнимали все без остатка его дневное время, то для своих научных занятий Авиценне оставались теперь одни только ночи.

Но и это не останавливало мудреца. Над своими собственными сочинениями, надо полагать, а прежде всего над своим «Каноном врачебной науки», – он работал без усталости, будучи при этом еще и постоянно озабоченным здоровьем эмира.

* * *

И все же справиться со строптивым пациентом Авиценне так и не удалось.

Едва только эмир ощущал в своем теле хотя бы малейшее облегчение, – он тут же забывал о строгом и непременном следовании врачебным назначениям. Он бездумно разрушал врачебную тактику и всю врачебную стратегию мудрейшего Авиценны.

Вдобавок ко всему перечисленному, эмир всеми правдами и неправдами стремился вырваться из тисков досаждавшего ему острого безденежья. Затеявая все новые и новые военные авантюры, всячески задирая своих ближайших соседей, он надеялся пополнить государственную казну за счет военных трофеев и ограбления чужих огромных пространств.

Он желал всячески скрывать от подданных собственные просчеты в управлении государством. Все это и свело досрочно эмира в могилу, несмотря на титанические усилия лечившего его гениального врачевателя.

Наследник почившего государя также возжелал иметь при себе Авиценну, хотя состояние собственного здоровья его нисколько еще не беспокоило.

Он был совсем молодым еще человеком.

Однако авторитетный ученый напрочь отказался от самых лестных предложений.

И кто теперь может сказать, чем руководствовался при этом стареющий Авиценна. То ли он понял тщетность своих неустанных стараний что-то изменить в хиреющем живо государственном организме, находясь при этом в весьма жестких ограничительных рамках, то ли его самого уже снедали сомнения относительно собственного здоровья, подкошенного, к тому же, вечными скитаниями...

Бесконечно мучил его также вопрос, успеет ли он завершить свои научные труды.

Великий ученый искал между тем надежного убежища, а также более или менее подходящей службы. Тем более, что ему удалось воссоединиться со своим родным братом Мухаммедом и уже с сильно состарившейся матерью – Ситорой-бану. Как бы там ни было, а забот у него прибавилось.

А пока что Авиценна обрел для себя хотя бы временную крышу над головой, – ему посчастливилось обосноваться в

доме богатого аптекаря.

Он уже почувствовал себя почти независимым от всевластного эмира.

* * *

Но тут опять оживились завистники, которые надеялись на реванш за собственные свои неудачи и явные личные просчеты.

Отъявленным негодяям удалось даже перехватить письмо Авиценны, адресованное правителю соседствующих земель. Ученый выражал в нем свое непременное желание переселиться под его покровительство, чтобы там продолжить дальнейшее обобщение своих трудов.

И в результате всего... Авиценна оказался в крепости Бердаван, в ее мрачной одиночной камере, в настоящем каменном мешке, наполненном лишь сильным шорохом изголодавшихся крыс. Больше не доносилось туда решительно никаких звуков.

Крепость Бердаван находилась на территории нынешней Западной Армении. Она была совсем недавно возведена. Забегая немного вперед, заметим, что очень скоро ее разрушили, а отстроили – только уже в XVII веке, когда в истории самой Армении настали более легкие времена.

Однако все то, что получилось после значительной ее реконструкции, не дает представления о том, какой мрачной

была она во времена заточения в ней врача Авиценны...

В заточении Авиценна провел немного свыше четырех длительных месяцев. Однако пролетели они для него почти незаметно. Ни на один день не оставлял мудрец своих научных занятий, для которых ему, по-прежнему, требовались только листы бумаги, да легкий, почти невесомый калам (тростниковая палочка для писания, совсем как у древних ученых!) – и небольшой глиняный светильник.

Остальное же – прочно сидело у него в голове...

* * *

Из заключения удалось вырваться с помощью всё того же верного Джузджани. Секретарю каким-то образом все же посчастливилось усыпить бдительность самых неумолимых и стойких стражей, которые, не выдержали искушения заманчивым звонким золотом и поддались преступному, с их точки зрения, подкупу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.